

М.В. Сапрыкина
M.V. Saprykina

**ПОЭТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЖАНРОВЫХ МОТИВОВ
 «ПОСЛЕДНЕГО СТИХОТВОРЕНИЯ» В ТВОРЧЕСТВЕ
 Б.А. СЛУЦКОГО. СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ**

**POETICS AND FUNCTIONING OF THE SPECIAL GENRE MOTIFS
 OF "THE LAST POEM" IN THE WORK OF B. SLUTSKY.
 THE THIRD ARTICLE**

В статье на материале стихотворения Бориса Слуцкого «Вот такое намерение» (1977) рассматривается комплекс жанровых мотивов, связывающих текст с традицией «последнего стихотворения». Анализ строится вокруг нескольких уровней организации текста: лексического, синтаксического и ритмического. Ритмическая и интонационная свобода, каденции пеона-III, подражающие народной протяжной песне, внеметрические ударения, инверсии, свойственные разговорному стилю, прозаизмы и переносы постоянно нарушают ритмическую инерцию, создавая интонацию «прозаизированного стиха». При этом ироническое снижение, идиостилевая примета лирики Слуцкого, не снимает трагизма, а создает дополнительное художественное напряжение: в стихотворении бытовое и экзистенциальное, серьезное и ироничное неразрывно слиты, а трагическое мироощущение героя облечено в форму нарочито простого, почти бытового высказывания. Текст с принципиальной установкой на открытость для множества интерпретаций формирует как минимум два плана восприятия. Первый план делает акцент на тихий уход, не обременяющий близких («никого не беспокоя, / никого не тяготя»). Второй, учитывающий грамматическую и семантическую природу глагольных форм, подчеркивает, что лирический герой не просто предчувствует смерть, но осознанно желает ее. Стихотворение демонстрирует и другие жанровые признаки «последнего стихотворения» (рефлексию собственной смерти, внутреннюю завершенность, имплицитную установку на переход в иное состояние, «итоговый» характер поэтики), что однако не позволяет отнести текст стихотворения к каноническим представителям жанра.

Ключевые слова: Борис Слуцкий, «последнее стихотворение», жанр, мортальная рефлексия, идеостиль, ирония.

The article examines the complex of genre motifs that connect the text with the tradition of "the last poem" based on Boris Slutsky's poem "This Is My Intention" (1977). The rhythmic and intonational freedom, the cadences of the peon-III, which imitate folk lyrical songs, the non-metric accents, the inversions characteristic of colloquial speech, the prosaicisms, and the shifts in the text constantly disrupt the rhythmic inertia, creating the intonation of "prosaicized verse." The analysis focuses on several levels of text organization: lexical, syntactic, and rhythmic. In the poem, the everyday and the existential, the serious

and the ironic, are inextricably linked. However, the ironic reduction does not diminish the tragedy, but rather creates additional artistic tension. Thus, the hero's tragic worldview is presented in the form of a deliberately simple, almost everyday statement, which is one of the key features of Slutsky's poetics. The text, with its fundamental openness to multiple interpretations, creates at least two layers of meaning. The first layer emphasizes a quiet departure that does not burden loved ones ("without disturbing anyone, / without burdening anyone"). The second layer, which takes into account the double use of the word "intention" and the grammatical and semantic nature of the verb forms, reveals that the lyrical hero not only anticipates death but also consciously desires it. The poem also demonstrates other genre features of "the last poem" (reflection on one's own death, internal completeness, an implicit focus on transition to a different state, and a "final" character of poetics), which, however, does not allow the poem to be classified as a canonical representative of the genre.

Key words: Boris Slutsky, "the last poem", genre, mortal reflection, ideostyle, irony.
DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-77-83

Продолжим разговор о жанровых мотивах «последнего стихотворения»¹⁷ в поздней лирике Бориса Слуцкого и обратимся к тексту стихотворения «Вот такое намерение» (1977). Приведем текст полностью:

1 А намеренье такое:
2 чуть немного погода,
3 никого не беспокоя,
4 никого не тяготя,
5 отойти в сторонку смирно,
6 пот и слезы отереть,
7 лечь хоть на траву и мирно,
8 очень тихо помереть. [14, 394]

Стихотворение представляет собой одно сложное предложение, развернутое в восемь строк. Синтаксически оно напоминает другой октет поэта – «Сократились мои обязанности...» (которому была посвящена вторая статья [9] нашего цикла статей о Борисе Слуцком). Их композиционно-структурная организация не повторяется, при этом оба текста представляют собой рефлексию лирического героя о собственном уходе, но в обоих случаях уход этот лишен трагического пафоса: жизнь исчерпана, пора «отойти в сторонку». Лексический состав стихотворения характеризуется нарочитой простотой, даже обыденностью (*не тяготя, отойти в сторонку, отереть, помереть, намеренье*¹⁸). Это лексика повседневного обихода, лишенная поэтичности. Выбор слов («в сторонку», «смирно», «тихо») создает образ ухода как скромного, почти незаметного действия, лишённого внешней эффектности. Градация действий выстроена в логической последовательности: отстранение («отойти в сторонку смирно») – очищение и ретроспективный взгляд на прожитую нелегкую жизнь («пот и слезы отереть») – принятие покоя («лечь... и мирно... тихо помереть»).

¹⁷ О «последнем стихотворении» мы говорили в других статьях, посвященных творчеству Бориса Слуцкого [10; 9] и не только [7; 8].

¹⁸ Написание *-ние* (*-ание, -ение*) или *-нье* (*-анье, -енье*) в суффиксах отглагольных существительных связано или со смысловым различием, или со стилистической дифференциацией. Слова книжные пишутся с суффиксом *-ние*, слова обиходные – с суффиксом *-нье* [6, 36].

Двустопный пеон третий создает эффект напевности, близкой к народной поэзии¹⁹. Аллитерация на глухие и сонорные (например, *тихо помереть*) на уровне звукописи передает ощущение затихания/затухания, ассонанс на «о» (*отойти, сторонку, пот, отереть, мирно, тихо, помереть*) убаюкивает и вызывает ассоциацию с колыбельной.

Забегая вперед, отметим, что на разных уровнях текст параллельно передает разные «сообщения». Напевность постоянно сбивается прозаическими интонациями, одновременно с размеренностью и убаюкиванием асиндетон, парцелляция, короткие двустопные стихотворные строки дробят текст на несколько пунктуационно и интонационно относительно самостоятельных отрезков, добавляя экспрессивности и динамики. В то же время тема смерти, репрезентируемая в стихотворении и традиционно трактуемая в высокой поэтической традиции, у Слуцкого намеренно лишается пафоса и десакрализуется: умереть – не «почить», не «уйти в небытие», а «помереть». Ю.В. Казарин делает важное замечание об эстетической доминанте поэтической личности Слуцкого: она, по мнению ученого, «сформировалась на этической основе прямого поэтического выражения *бытия в быте* (курсив наш. – М.С.)» [5, 513]. Умение обнаруживать вечное в повседневном, видеть за бытовым сущностное и выражать «бытие в быте», отказ от внешней эффектности, простота интонации и экзистенциальная глубина при кажущемся минимализме изобразительных средств отражает специфику поэтической картины мира поэта.

Интересен композиционный прием «обманутого ожидания». Читатель рассчитывает после слова «мирно» на что-то если не жизнеутверждающее, то хотя бы нейтральное, но поэт ставит неожиданное прозаическое «помереть». Сознательное нарушение лексической сочетаемости вероятно приводит к прагматическим эффектам, в частности к иронии [17, 67]. У Слуцкого ирония и травестирование – не социальный заказ на осмеяние старого мира, не попытка высмеять бюрократизм советской системы. Оксюморонность поэтики, ее парадоксальность, ироничность помогает автору выразить свое отношение к действительности. Ирония становится способом справиться с непереносимым, дистанцироваться от него, якобы его обесценить. Однако авторское критически насмешливое отношение к смерти не снимает трагизма с ситуации: столкновение «высокой» темы с низкой лексикой создает дополнительное внутреннее напряжение в тексте.

В лирике XX века ирония приобрела экзистенциальный масштаб: она стала способом говорить о катастрофе, не впадая в пафос, который после исторических травм казался неуместным или кощунственным. (Вспомним известную фразу Теодора Адорно: «После Освенцима нельзя писать стихи» [цит. по: 4]). Поэтика Слуцкого как раз не была неуместной и кощунственной: «Поэт голой правды, он не писательствует. Он как Аввакум. Пишет так, как орут и стонут. Не заботясь о мелодичности голоса. Стихи Слуцкого как бы стесняются быть стихами, замечает Л. Озеров. И в этом их особая жизненная сила. Их человеческая подлинность» [15, 15], – напишет Н.Л. Елисеев, библиограф, публицист и литературный критик, автор предисловия и комментария к сборнику стихов Слуцкого.

Мы говорили, что текст одновременно передает разные «сообщения» (например, смертная тематика в иронической форме). Так, если в первом стихе имплицирована установка лирического субъекта на некое целевое действие навстречу смерти (намереваюсь помереть), уже второй стих отодвигает эту перспективу («чуть немного погодя»: тавтологично нанизанные близкие по значению наречия меры и степени создают смысловую избыточность, но в то же время усилены друг другом), отдаляя от лирического

¹⁹ Народные интонации – еще одна идиостилевая примета поэтики Слуцкого. Иосиф Бродский скажет: «Именно Слуцкий едва ли не в одиночку изменил звучание послевоенной русской поэзии. Его стих был ступенью бюрократизмов, военного жаргона, просторечия и лозунгов. Он с равной легкостью использовал ассонансные, дактилические и визуальные рифмы, расшатавший ритм и народные каденции» [3, 254].

героя пограничную ситуацию (намереваюсь, но не сейчас) и оттесняя поэтическое сочинение за жанровую периферию «последнего стихотворения» (утрачивается атрибутивное для жанра ощущение близости смерти).

Анафорическое повторение отрицательных конструкций «*никого* не беспокоя, / *никого* не тяготя» подчеркивает, что лирическому герою не важно **где** умереть («лечь *хоть* на траву» – иными словами «где угодно»), но важно **как** (мирно, тихо, без боли, незаметно, не причиняя неудобств окружающим, не тяготя (возможно) близких). Смирность лирического героя в принятии своей смерти усилена многократно: *отойти смирно, мирно помереть, тихо помереть*.

При попытке определить смысловую доминанту анализируемого текста нельзя не сказать про количественные показатели: 5 из 8 стихов посвящены тому, **как** лирический герой хочет умереть, однако при этом нельзя игнорировать семантический потенциал глагольных и отглагольных форм.

Обратим внимание на окказиональную форму «намеренье» в первом стихе вместо нормативного «намерение» в названии текста и сделаем замечание, что лексема «намерение»/«намеренье» – в двух сильных позициях текста, находящихся рядом²⁰. Отглагольное существительное «намерение» ощущает на себе воздействие двух частей речи и, находясь «под сильным влиянием глагольной энергии» [1, 334], содержит отпечаток как существительного, так и глагола на своих грамматических и семантических признаках. Следует, что семантика слова содержит установку на совершение действия²¹. Лирический герой Слуцкого не находится в состоянии пассивного ожидания смерти (жанровая примета «последнего стихотворения»), у него есть интенция на переход в инобытие. Глаголы субъектны: в тексте явно ощущается присутствие самостоятельного, мыслящего лирического «я», обладающего собственной волей, сознанием, способностью действовать²².

Частица «вот» в разговорной речи часто обозначает указательность и придает высказыванию итоговый, резюмирующий характер. Фраза «вот такое намерение» представляет собой эллиптическую конструкцию – в ней опущены элементы, которые восстанавливаются из контекста²³. Эллиптичность – характерная черта разговорного синтаксиса, и в финальных маркерах она встречается регулярно.

Синтаксис, тесно связанный с мелодикой, метрикой и композицией, активно участвует в ритмообразовании поэтического текста. Перенос в конце восьмистишия («лечь хоть на траву и мирно, / очень тихо помереть») создает эффект обрыва, паузы перед ключевым словом («помереть»). Ритмомелодика стиха делает особый акцент на конец стихотворной строки из-за чередования женских и мужских рифм и усечении в четных

²⁰ Интересно, что все поэтические сочинения, входящие по Ю.В. Казарину в парадигму последних стихотворений поэта, не имеют названия и публикуются по инципиту, за исключением анализируемого. Отметим также, что Ю.В. Казарин одним из первых в отечественной науке заявил о последних стихотворениях как об особых текстах [5]. При выборе соответствующих поэтических текстов мы опираемся на его фундаментальный труд – «Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв.» [5].

²¹ Словарь русского языка закрепил за лексемой «намерение» такие значения: «Замысел, желание, предположение сделать, совершить что-л.; с намерением – умышленно, с определенной целью» [12, 371].

²² Ср. глаголы семантико-грамматической категории переходных/непереходных: непереходный «субъектный» глагол *отойти* – переходные корреляты *отодвинуть* (кого? что?), *отвести* (кого? что?), непереходный *лечь* (действие, совершаемое субъектом над собой, без перехода на другой объект) – переходные *уложить* (кого? что?), *положить* (кого? что?), означающие «заставить лечь, поместить в горизонтальное положение», непереходный *помереть* (действие, замкнутое на субъекте, не предполагающее объекта, на который оно переходило бы) – переходные (но с другим субъектом действия: появляется активный деятель, совершающий действие над другим) *убить, умертвить, лишить жизни*.

²³ Полная версия могла бы звучать так: «Вот такое (у меня есть) намерение».

стихах (UU–UUU–U / UU–UUU–). При этом перекрестная рифмовка (авав) создает эффект размеренного, но не монотонного звучания, не добавляет драматичности, но позволяет интонационно выделить ключевые слова, которые оказываются на рифмующихся позициях. На такой позиции снова оказывается слово «помереть» (пот и слезы *отереть*, / лечь хоть на траву и мирно, / очень тихо *помереть*).

Смысловой скелет стихотворения образован «сильными» стихами: первым – «а намеренье такое» – и последним – «очень тихо помереть». Если «высушить» стихотворение еще сильнее – до смысла – и оставить сухой остаток, то получаем: *собираюсь тихо помереть*.

За счет травестирования и авторской иронии дихотомическая напряженность жизни-смерти, характерная для «последних стихотворений», снова нейтрализуется. Однако вынесем иронический модус стихотворения за скобки как идиостилевую черту поэтики Слуцкого²⁴. И тогда экзистенциальная усталость²⁵ лирического героя, его устремленность к смерти сближает текст с «последним стихотворением».

Ранее мы отмечали, что свойством поэзии Слуцкого и особенно последних его стихотворений становится размытие границы принципиального не отождествления лирического героя и биографическим автором. Смерть самого Слуцкого была поразительно похожа на то, как он описал ее в стихотворении «Вот такое намерение» (оказалось, что своему намерению поэт был верен до конца). Николай Силис в воспоминаниях писал: «Люди по-разному уходят из жизни. Одни легко, другие мучительно. Одни слишком рано, другие слишком поздно».

Слуцкий *избрал (если так можно выразиться) смерть* (здесь и далее курсив наш. – М.С.) необычную.

<...> Глубочайшая депрессия наступила вскоре же после смерти Тани. <...> Весь период после этого, вплоть до реального конца, жизнью в полном смысле назвать нельзя. Это было существование, не больше. Болезнь отняла у него самое основное – волю.

²⁴ Смерть жены – величайшая трагедия в жизни Слуцкого, которую он так и не смог преодолеть. «Глубочайшая депрессия наступила вскоре же после смерти Тани (Татьяны Дашковской. – М.С.) Депрессия клиническая, тяжелая и необратимая. <...> Как поэт и как структурная личность Слуцкий умер именно тогда, в семьдесят седьмом году, вскоре же после истинной смерти своей подруги», – вспоминает современник Николай Силис [11, 431–432]. Но даже в лирике 1977 года, которую Илья Фаликов, автор жизнеописаний Бориса Слуцкого, назвал не иначе как «плач по жене» [16], поэт чередует пафосную лексику с лексикой, лишенной патетики, что приводит к их ироническому сочетанию. К примеру, в стихотворении «Кучка праха, горстка пепла...» (1977), используя морфемы субъективной оценки, которые в существительных мужского рода зачастую являются выразителями авторской иронии [2, 278], поэт упрощает некое сакральное, ритуальное содержание лексем: то небольшое, что остается от некогда живого, мыслящего существа после его смерти, названо «*кучкой праха*», пепел – «*горсткой пепла*», а погребальная урна – «*черепком*». Подробнее см.: [10].

²⁵ Экзистенциальная усталость лирического героя Слуцкого чувствуется во многих стихотворениях позднего периода творчества поэта. К примеру:

Господи, больше не нужно.
Господи, хватит с меня.
Хлопотно и недужно
день изо дня.
<...>
Если Ты угрожаешь –
я испугался уже.
<...>
Холодно мне и суетно
на роковом рубеже. [14, 429]

А без воли Борис Слуцкий уже не Борис Слуцкий. <...> [Он] маниакально страшился всякого общения. Даже с самыми близкими друзьями. Ушел из жизни Борис *тихо, бесшумно и скромно*, был похоронен на Пятницком кладбище в Москве. Это была его вторая смерть» [11, 432].

Текст стихотворения «Вот такое намерение» Бориса Слуцкого с конститутивной установкой на открытость для множества прочтений принципиально сопротивляется однозначной жанровой атрибуции. Художественная полисемия затрудняет ответ на вопрос о наличии в тексте жанровых примет «последнего стихотворения». Однако имплицитные в тексте маркеры, внешние (внетекстовые, биографические) обстоятельства, внутренняя завершенность и поэтика итоговости, тематическая сосредоточенность на рефлексии смерти дают основания для такой интерпретации и позволяют говорить о стихотворении как о тексте, содержащем жанровые мотивы «последнего стихотворения».

1. Бекенова Р.Б. Категориальная семантика глагола и производного девербатива // *Инновационные технологии в науке и образовании*. 2015. № 4 (4). С. 333–337.
2. Бронникова Ю.О. Словообразовательные средства выражения оценки в русском языке // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2014. № 12–1. С. 276–279.
3. Горелик П., Елисеев Н. *По течению и против течения... Борис Слуцкий: жизнь и творчество*. М., 2009.
4. Елисеев Н. «Полный вдох свободы» // *Новый мир*. 2000. № 3. URL: <https://nm1925.ru/articles/2000/200003/polnyy-vдох-svobody-4040/?ysclid=mn1g1rb3w0200481229> (дата обращения 13.01.2026).
5. *Последнее стихотворение 100 русских поэтов XVIII–XX вв.: антология-монография* / авт.-сост. Ю.В. Казарин. Екатеринбург, 2011.
6. Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. *Справочник по правописанию, произношению и литературному редактированию*. 2-е изд., испр. М., 1998.
7. Сапрыкина М.В. К проблеме осмысления «последнего стихотворения» как жанра мортальной поэзии // *Актуальные вопросы современной лингвистики: Тихоновские чтения: материалы Международной научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения профессора А.Н.Тихонова, Елец, 02–04 ноября 2021 года* / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»; отв. ред. Г.Н. Абреимова [и др.]. Елец, 2021. Ч. 2. С. 376–379.
8. Сапрыкина М.В. «На далекой звезде Венере...» Н. Гумилева в контексте понятия «последнего стихотворения» // *Феномен «последнего стихотворения»: теория и практика исследования: коллективная монография*. Елец, 2022. С. 89–98.
9. Сапрыкина М.В. Поэтика и функционирование жанровых мотивов «последнего стихотворения» в творчестве Б.А. Слуцкого. Статья вторая // *Philologos*. 2025. № 4 (67). С. 64–69. DOI 10.24888/2079-2638-2025-67-4-64-69.
10. Сапрыкина М.В. Поэтика и функционирование жанровых мотивов «последнего стихотворения» в творчестве Б.А. Слуцкого. Статья первая // *Philologos*. 2024. № 1 (60). С. 55–61. DOI 10.24888/2079-2638-2024-60-1-55-61.
11. Силис Н. «...Уже открыл одну строку...» // *Борис Слуцкий: воспоминания современников* / [вступ. ст., сост. П.З. Горелик]. СПб., 2006. С. 423–434.
12. *Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. К–О* / Академия наук СССР, Институт русского языка; [гл. ред. А.П. Евгеньев]. 3-е изд., стер. М., 1986.
13. Слуцкий Б.А. *Собрание сочинений: в 3 т. М., 1991. Т. 2. Стихотворения. 1961–1972* / сост. с науч. подгот. текста, коммент. Ю. Болдырева.
14. Слуцкий Б.А. *Собрание сочинений: в 3 т. М., 1991. Т. 3. Стихотворения. 1972–1977* / сост. с науч. подгот. текста, коммент. Ю. Болдырева.
15. Слуцкий Б.А. *Стихи: [сборник сост. Б.Я. Ямпольский; предисл. и коммент. Н.Л. Елисеев]*. СПб., 2017.
16. Фаликов И.З. Красноречие по-случки // *Вопросы литературы*. 2000. № 2 (март – апрель). С. 62–110. URL: <https://voplit.ru/2021/06/05/krasnorechie-po-slutski/?ysclid=tiw0f64k6t606770177> (дата обращения: 23.08.2025).

17. Шилихина К.М. Лексическая сочетаемость как источник вербальной иронии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 2. С. 64–69.

Информация об авторе

Маргарита Владимировна Сапрыкина,
Елецкий государственный университет
им. И.А. Бунина (Елец, Россия).
399770, Россия, Липецкая область,
Елец, ул. Коммунаров, 28.
Аспирант, ассистент кафедры
русской филологии и журналистики.
Научные интересы: поэтика текста, жанрология.
ORCID ID: 0009-0009-1039-1715
SPIN-код: 9043-4238, AuthorID: 1050518
E-mail: sapryckina.margarita@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.01.2026;
одобрена после рецензирования 17.02.2026;
принята к публикации 17.02.2026;
опубликована 20.03.2026.

Information about the author

Margarita V. Saprykina,
Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia).
399770, Lipetsk region, Yelets,
Kommunarov str., 28.
Postgraduate student, assistant of the Department
of Russian Philology and Journalism.
Research interests: poetics of text, genre studies.
ORCID ID: 0009-0009-1039-1715
SPIN-code: 9043-4238, AuthorID: 1050518
E-mail: sapryckina.margarita@yandex.ru

The article was submitted 23.01.2026;
approved after reviewing 17.02.2026;
accepted for publication 17.02.2026;
published 20.03.2026.

Ссылка для цитирования: Сапрыкина, М.В. Поэтика и функционирование жанровых мотивов «последнего стихотворения» в творчестве Б.А. Слуцкого. Статья третья // Philologos. 2026. № 1 (68). С. 77–83. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-77-83.

For citation: Saprykina, M.V. Poetics and functioning of the special genre motifs of "the last poem" in the work of B. Slutsky. The third article // Philologos. 2026. No. 1 (68). Pp. 77–83. DOI: 10.24888/2079-2638-2026-68-1-77-83.

Права: © М.В. Сапрыкина (2026). Опубликовано Елецким государственным университетом им. И.А. Бунина. Открытый доступ на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0).